

SUBSTRATE TOPONYMY OF THE VILLAGE TORNOVOE SURROUNDINGS IN THE SAMARSKAYA LUKA

Nikolay V. Belenov (a)

(a) Samara State University of Social Sciences and Education.
Samara, Russia. Email: belenov82[at]gmail.com

Abstract

The paper discusses three limnonyms from the neighborhoods of the Moksha-Mordovian village Tornovoe in the Samarskaya Luka: Kal', Yelgushee and Obkan. For each of these geographical names, in accordance with the methods and principles of toponymic research, the likelihood of belonging to Toponymical substrate is checked. In the course of the study, special attention is paid to the forms of existence of toponyms among the local population, as well as to the presence or absence of their toponymic parallels in the other territories of Mordovian languages speakers' settlements. The analysis involves the lexical composition and characteristic features of the Tornovsky dialect of the Moksha-Mordovian language, as well as of the other Moksha-Mordovian dialects of the Samara Luka. When evaluating etymological solutions, the phonetic laws of displaying foreign geographical names in the Mordovian languages confirmed by specific examples are taken into account. As a result of the research, it was found that of the three limnonyms under study, only the toponym "Kal'" has reliable parallels in Mordovian toponymy from other territories, which, taking into account the ethnic history of Samarskaya Luka, may have both Mordovian and Slavic origins. For the limnonym "Yelgushee", we can assume a pseudosubstrate origin, due to the likely adaptation of the Baltic term in the Moksha-Mordovian environment. The article suggests a possible religious and cult semantics of the limnonym. The limnonym "Obkan", with a high degree of probability, goes back to the Iranian languages; however, one should not exclude a pseudosubstratum origin, with semantically adapted borrowing from the Turkic languages in the Moksha-Mordovian dialects of Samarskaya Luka.

The research is largely based on the author's field materials obtained during the 2017-2018 seasons.

Keywords

toponymics; substrate; pseudosubstrate; Mordovians; limnonyms; Moksha-Mordovian language; Erzya-Mordovian language; geographic vocabulary; Samarskaya Luka; Tornovoe

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

СУБСТРАТНАЯ ТОПОНИМИЯ ОКРЕСТНОСТЕЙ СЕЛА ТОРНОВОЕ НА САМАРСКОЙ ЛУКЕ

Беленов Николай Валерьевич (а)

(а) ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет».
Самара, Россия. Email: belenov82[at]gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются три лимнонима из окрестностей мокша-мордовского села Торновое на Самарской Луке: Каль, Елгуши и Обкан. Для каждого из указанных географических названий, в соответствии с методами и принципами топонимических исследований, проверяется вероятность принадлежности к топонимическому субстрату. В ходе исследования особое внимание уделяется формам бытования топонимов у местного населения, наличию или отсутствию топонимических параллелей к ним на других территориях расселения носителей мордовских языков. К анализу привлекается лексический состав и характеристические особенности торновского говора мокша-мордовского языка, а также других мокша-мордовских говоров Самарской Луки. При оценке этимологических решений учитываются подтверждённые конкретными примерами фонетические законы отображения иноязычных географических названий в мордовских языках. В результате проведённых исследований установлено, что из трёх рассматриваемых лимнонимов достоверные параллели в мордовской топонимии с других территорий имеет только топоним «Каль», который, учитывая этническую историю Самарской Луки, может иметь как мордовское, так и славянское происхождение. Для лимнонима «Елгуши» можно предполагать псевдосубстратное происхождение, в связи с вероятной адаптацией балтского термина в мокша-мордовской среде. В статье высказывается предположение о возможной религиозно-культурной семантике лимнонима. Лимноним «Обкан» с высокой степенью вероятности восходит к иранским языкам, однако здесь также нельзя исключать псевдосубстратное происхождение, с семантически адаптированным заимствованием из тюркских языков в мокша-мордовских говорах Самарской Луки.

Исследование в значительной степени опирается на полевые материалы автора, полученные в ходе сезонов 2017-2018 годов.

Ключевые слова

топонимика; субстрат; псевдосубстрат; мордва; лимнонимы; мокша-мордовский язык; эрзя-мордовский язык; географическая лексика; Самарская Лука; Торновое

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

История вопроса

Самарская Лука является наиболее исследованной в топонимическом отношении территорией Самарской области. Отдельные анализы происхождения географических названий с территории полуострова приводятся уже в материалах академических экспедиций второй половины XVIII века (Pallas, 1771). Эта традиция продолжается в ряде путеводителей по Самарской Луке и Жигулям, среди которых особо можно отметить работы П.А. Преображенского (1926) и М.А. Емельянова (1935.; 1955). Авторы первых систематических исследований по топонимии Самарского Поволжья также уделяли географическим названиям Самарской Луки повышенное внимание. Несколько результатов этимологических исследований, приведённых в «Самарской топонимике», мы считаем наиболее обоснованными относительно рассматриваемых в настоящей статье топонимов, с исторической точки зрения (Барашков *etc*, 1996). Кроме того, отдельные исследования по географическим названиям полуострова а также связанный с ними фактологический материал можно найти в различных этнографических (Чуваши Самарской Луки, 2003; Ведерникова, 1996) и фольклорных работах (Рощевский, 2002).

Общая характеристика субстратной топонимии Самарской Луки

Этноязыковая история Самарской Луки изучена сравнительно подробно, а её лингво-хроно-стратиграфия устоялась в науке примерно с конца 80-х годов XX века и с тех пор лишь подкреплялась новыми фактами, полученными на материалах археологических раскопок (Васильев, Матвеева, 1986; Древние культуры и этносы Самарского Поволжья, 2007). С достаточной степенью надёжности, начиная с эпохи бронзового века, на полуострове прослеживаются группы населения, которые с высокой степенью вероятности можно связать с носителями иранских (срубная культура), финно-угорских (ананьинская культура), славянских (именьковская культура) и тюркских (памятники новинковского типа, болгары) языков (Богачёв, 2008). Не все указанные выше соизмерения по линии «язык – археологическая культура» являются бесспорными. Подобные соответствия, в условиях отсутствия письменных источников, всегда остаются гипотетическими – однако нельзя не учитывать косвенные доказательства, с привлечением которых можно говорить о высокой степени вероятности того или иного сопоставления. В приведённых выше случаях речь идёт именно

о таких соответствиях, подкреплённых значительным числом косвенных доказательств.

Для темы нашего исследования актуальным является вопрос: насколько топонимические пласты, относящиеся к указанным историческим периодам, сохранились на территории Самарской Луки?

Однозначного мнения по данному вопросу среди исследователей нет. Как представляется, говорить именно о топонимическом пласте, который могли воспринять предки современного населения Самарской Луки, можно лишь применительно к болгарскому периоду. От более ранних топонимических номенклатур могли сохраниться, в лучшем случае, отдельные названия.

Топонимическая преемственность на Самарской Луке

Вопрос о топонимической преемственности на территории Самарской Луки тесно связан с вопросом её заселённости в различные исторические периоды. Здесь нас, прежде всего, интересуют подходы различных исследователей к предполагаемой лакуне заселённости ордынского периода в истории полуострова. Представления о данной лакуне основываются на двух группах аргументов: отсутствии на данной территории массовых археологических материалов постбулгарского и ордынского времени, вплоть до её освоения после падения Казанского ханства; общем этноисторическом контексте макрорегиона, включающего в себя Самарское Поволжье в ордынскую эпоху и период существования Казанского ханства.

Так, в современной исторической и этнографической литературе господствует точка зрения о том, что территория Самарской Луки длительное время пустовала и осваивалась лишь «наездами» чувашами и мордвой (Смирнов *etc.*, 1995; Малкова, 2019, стр. 15). Попутно отметим, что для освоения «наездами» той или иной территории для осуществляющего данную деятельность населения также требуется детальное знание топонимической номенклатуры осваиваемой местности, что подтверждается многочисленными примерами промысловой топонимии, а также результатами известного топонимического эксперимента А.К. Матвеева (Аникин, 2001; Матвеев, 1991).

Представляется заслуживающим внимания тот факт, что, окаймляя Самарскую Луку, мордовские археологические памятники ордынского времени практически не встречаются на её территории. Как мы полагаем, селиться непосредственно на Луке мордве в данный период запрещала ордынская администрация, поскольку природно-географические особенности полуострова существенно затрудняли бы контроль над такими поселениями.

Ситуация изменилась с началом кризиса Орды. Внутренние усобицы и вторжения иноземных завоевателей привели к запустению известных мордовских поселений в окрестностях Самарской Луки и прекращению функционирования могильников при них ко второй половине XIV века. Самарская Лука, территория которой, безусловно, была знакома жителям окрестных мордовских поселений, представляла собой в сложившихся условиях идеальное место для переселения.

Учитывая накопление в настоящее время археологических материалов, служащих для подтверждения топонимической преемственности между ордынским населением данной территории и предками её современного населения, нужно отметить, что остаётся невыясненным лишь один вопрос: имел ли место достаточный для передачи топонимической номенклатуры контакт между ними? По крайней мере, для мордовского населения полуострова на данный вопрос можно ответить утвердительно, исходя из сведений исторических документов (Герасимов, 1932, стр. 7).

История села Торное

Точная дата основания села Торное неизвестна; впервые в документах оно, как уже существующее, фиксируется в 1639 году. В ряде источников отмечается, что изначально национальный состав жителей села был смешанным, чувашско-мордовским (Симаков, 2008, стр. 232), однако позднее чуваша переселились на левый берег Волги. В настоящее время в Торном проживают мордва-мокша и русские; местные жители единогласно утверждают, что село основала мордва, чувашей среди его жителей, по их словам, никогда не было (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торное, 2018). На Самарской Луке в период XVII – XVIII веков документально фиксируется несколько сёл с мордовско-чувашским населением (Смирнов *etc.*, 1995), что, в принципе, не исключает подобной ситуации и в селе Торное в тот период.

Топонимический фон окрестностей села Торное.

Топонимический фон окрестностей села Торное представлен мокша-мордовскими и русскими названиями, подавляющее большинство из которых полностью или частично этимологизируются местным населением. Данное утверждение справедливо также для топонимических пространств близлежащих сёл Рождествено и Шелехметь (Беленов 2018). Достоверно чувашских топонимов на исследуемой территории, наличие которых можно было бы здесь ожидать в свете недавней этнической истории, не выявлено.

Предпосылки формирования топонимического субстрата в лимнонимии Самарской Луки.

Как правило, наиболее сохранной во времени частью топонимической номенклатуры той или иной территории являются названия рек. Однако природно-географические условия Самарской Луки таковы, что здесь нет значительных постоянных водотоков, а источники пресной воды – такие как озёра и родники – являются редкостью. Роль таких источников в жизни населения полуострова достаточно высока, чтобы их названия были широко известны и, соответственно, относительно стабильны во времени. Таким образом, если на Самарской Луке и сохранился где-либо топонимический субстрат – то в названиях местных озёр.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Кратко о топонимах: Каль, Обкан и Елгуши

На топонимическом фоне окрестностей села Торновое ярко выделяются три названия: *Каль*, *Обкан* и *Елгуши*. Названия эти, с одной стороны, достаточно известны – в том числе, за пределами села, – а с другой стороны, носителями торновского говора мокша-мордовского языка они не этимологизируются, а вероятные для возможных этимологических решений мордовские лексемы в данном говоре не фиксируются. Для топонимов *Обкан* и *Елгуши* у местного населения существует несколько объяснений, относящихся к разряду «народной этимологии»; для топонима *Каль* подобных объяснений нами не зафиксировано.

Каль. Общие сведения

Озеро в непосредственной близости села Торновое, летом, как правило, полностью зарастает осокой. Озеро известно, в основном, местным жителям. Хозяйственного значения в настоящее время практически не имеет, для этих целей жителями используются несколько прудов в самом селе. Первая письменная фиксация лимнонима – 1910 год, когда в «Списках населённых мест Самарской губернии» находим: «Торновая, деревня, при болоте Кале» (Беленов, 2018, стр. 90).

Распространение гидронимической основы. Вероятные этимологические параллели в индоевропейских и уральских языках

Названия с элементом *каль* в гидронимии распространены достаточно широко: на Балканах, в Чехии, на Украине данная основа нередко фиксируется в составе потамонимов, в Центральной России чаще встречается в лимнонимах. Как представляется, в ряде случаев

подобные гидронимы восходят к славянским вариациям термина *каль* (общеславянское *kaľь* – ‘грязь’, ‘трясина’, ‘слякоть’; общеславянское *kaľькь* – ‘низкое, сырое место’; польское *kal* – ‘кал’, ‘лужа’, ‘тина’; псковское диалектное *калки* – ‘отдельные озера’ (Агеева, 1974, стр. 47); древнерусское *калище*, *калиште* – грязь; полабское *kolinaica* – лужа; чешское *kalenice* – грязь, топь; сербохорватское *кало* – размокшая земля, грязная лужа; нижнелужицкое *kališko* – ‘помойная яма’, ‘лужа, болото’, ‘водоём’, *kalene* – ‘замутнение воды’ (Этимологический словарь славянских языков, 1983, стр. 126-128), каковые, в свою очередь, восходят к общеиндоевропейскому термину, рефлекс которого можно обнаружить в индоарийских (*kali* – ‘чёрный’, ‘синечёрный’) и иранских (*kal* – ‘грязный, мутный’) языках. В ряде случаев – в особенности, для названий средних и крупных рек – можно предполагать прямое происхождение от общеиндоевропейских или индоиранских форм.

Достаточно представителен набор терминов с подобной основой и спектр их значений в уральских языках: удмуртское *калым* – ‘залив в реке или озере’, ‘омут’, ‘лужа’; селькупское *kaaldš* – ‘низкое сырое место’, ‘курья’; хантыйское *kal* – ‘болото’; русские диалектные термины (в северных и сибирских говорах, с вероятностью заимствования из уральских языков) *кальджа* – ‘низина’, ‘низменное заболоченное место, обычно у берега реки’, *калтус* – ‘не слишком вязкое болото’ (Аникин, etc., 2007, стр. 193). А.Н. Ракин, рассматривая гидронимные термины с данной основой в удмуртском языке и его рефлекс в диалектах коми языка, приводит реконструируемую прафинноугорскую форму **kälz* со значениями ‘заболоченное озеро’, ‘залив’ (Ракин, 2019, стр. 271).

На территории Финляндии также имеется несколько гидронимов с рассматриваемой основой. Наиболее показательной в свете нашей темы является группа лимнонимов с названием *Kallavesi*, где легко вычленяется формант *vesi* со значением ‘вода’. Основа *kal* при этом в современном финском языке деэтимологизирована, в связи с чем финские ономасты предлагают этимологические решения для лимнонима с привлечением саамского *gallis* – ‘старик’, либо шведского *kal* в значении ‘голый, безлесный’ (Suomalainen paikannimikirja, 2007, стр. 303). Надо отметить, что подобного рода лексемы действительно могут случайно послужить основой для того или иного лимнонима, однако в данном случае речь идёт о группе лимнонимов с одинаковым названием, в связи с чем их случайное происхождение маловероятно. Скорее, здесь следует видеть какой-то гидронимный термин, значение которого в современных языках Фенноскандии утрачено.

Термин ‘каль’ в мордовских говорах и топонимии.

У мордвы термин *каль* имеет несколько значений, в ряде которых он активно используется в топонимии. Чаще других для данного термина в мордовских говорах встречается значение ‘ива’. Известно, что название этого влаголюбивого растения достаточно часто используется в гидронимии у разных народов. Кроме того, известны и другие, семантически более близкие для рассматриваемого озера, значения термина, указанные Д.В. Цыганкиным в эрзянских говорах на территории Республики Мордовия: *каль* – ‘пойма’, ‘заосоченное место’ (Цыганкин, 2005, стр. 132). Д.В. Цыганкиным приведено также значительное количество примеров географических названий с данной основой, зафиксированных в топонимических пространствах различных сёл Республики Мордовия, которые относятся к таким объектам, как луга и торфяники (Цыганкин, 2005). Наконец, представляет интерес значение для лексемы *Kal* – ‘куст’, указанное в первом известном лексикографическом памятнике мордовских языков – в списке мордовских слов, содержащемся в работе Н. Витсена (Witsen, 1692).

Лексема ‘каль’ в говорах мордвы Самарского Поволжья

Несколько иной спектр значений для рассматриваемой лексемы зафиксирован нами в говорах мордвы Самарского Поволжья. Наиболее популярным здесь также остаётся значение ‘ива’, однако, в говорах, бытующих в мордовских сёлах, основанных до начала XVIII века и характеризующихся значительным количеством лексических архаизмов, встречаются значения: ‘все древесные породы’ в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019); ‘талая вода’, чаще в составе термина *кальведь*, в коноваловском говоре эрзя-мордовского языка (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019).

Отсутствие лексемы ‘каль’ в мокша-мордовских говорах Самарской Луки

В мокша-мордовских говорах Самарской Луки в настоящее время лексема *каль* не фиксируется ни в одном из значений. На вопрос о происхождении названия озера информаторы отвечали следующее: «Называется: Каль. Почему – не знаем, всегда оно было Каль» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2017). Можно лишь предполагать, что когда-то она могла в них бытовать в одном из значений, приведённых выше, семантически соответствующем характеристикам озера Каль. Кроме того, хотели бы отметить особое место вязов в языческих представлениях самаролукских мокшан. Культ данного дерева отмечен у бахиловской мордвы, а также прослеживается в

топонимии окрестностей села Торновое, где, недалеко от озера Каль, имеется урочище *Поклонный Вяз*. Учитывая одно из значений в говорах мордвы Самарского Поволжья, где *каль* – это ‘все древесные породы’, нельзя исключать и такой мотивации при присвоении озеру данного названия.

Елгуши

Это название озера карстового происхождения на Самарской Луке, позднее – также урочища в окрестностях озера. Лимноним впервые фиксируется на картах второй половины XIX века, в частности, на карте А.И. Менде Симбирской губернии 1861 года.

В литературе впервые упоминается П.И. Кротовым на страницах Известий Русского географического общества в форме *Елгуши*, тогда как в торновском говоре данный лимноним бытует в форме *Ёлгужи* (Кротов, 1893, стр. 165). Подобная форма в данном случае может быть обусловлена двумя обстоятельствами: название озера П.И. Кротов, по всей видимости, услышал от русского проводника из села Ширяево, откуда он, по собственному утверждению, и совершил экскурсию к озеру; орфография, принятая в источнике, обнаруживает повсеместную замену буквы «ё» на «е».

В настоящее время название *Елгуши* носит как само озеро, так и близлежащая поляна, по границе которой, в овраге, весной и в дождливые годы фиксируется непостоянный водоток протяжённостью до двух километров, наполняющий ещё один временный водоём.

Форма топонима в торновском говоре мокша-мордовского языка.

Форма топонима в торновском говоре имеет вид *Ёлгужи*, с ударением на первый слог. Форма *Елгуши*, с ударением на последний слог – как мы пояснили выше, является русифицированным вариантом данного географического названия. Для мордовских лексем инициальное «е» вообще нехарактерно, на практике же нередко мордовские географические названия с инициальными «ё» и «э» в русском языке передаются через «е». Сравните, например, гидроним Ермолей в окрестностях эрзя-мордовского села Старое Суркино Шенталинского района Самарской области – искажённое в русской передаче эрзянское *Эрямолей* – «Река жизни» – весьма частый компонент мордовских топонимических пространств. Этимологизировать лимноним *Ёлгужи* информаторы из числа торновской мордвы не могут, термин *кужо*, известный в торновском говоре мокша-мордовского языка в ряде значений, с данным названием не связывают. У окрестного русского населения для объяснения лимнонима бытует несколько топо-

нимических преданий, содержащих наивную этимологию, представляющих ценность только для исследователей топонимического фольклора.

Тюркские и финно-угорские этимологии топонима

В.Ф. Барашков с соавторами выдвигают версию о том, что в основе названия *Елгуши* могут лежать какие-то тюркские лексемы, в частности, общее для ряда кыпчакских языков, с незначительными вариациями, *елга* – ‘река’ (Барашков *etc.*, 1996). При этом, впрочем, необходимо учитывать тот факт, что кыпчакоязычное население на Самарской Луке компактно никогда не проживало – соответственно, все этимологические решения с привлечением материалов тюркских кыпчакских языков крайне маловероятны. Кроме того, материалы мордовской топонимии свидетельствуют о том, что тюркское *елга* в мордовских топонимах передаётся как *ялга*, а не *ёлга* (Цыганкин, 2005, стр. 420; ПМА, Оренбургская область, Бугурусланский район, Нуштайкино, 2019). Природно-географическим характеристикам объекта семантически соответствует (с учётом принципа относительной негативности географических названий) пермское *эль* – ‘лесная речка’ (Туркин, 1986. 144 с.), однако пермский топонимический пласт на Самарской Луке не фиксируется, хотя исторически полностью исключать выявление здесь отдельных пермоязычных названий нельзя (Беленов, 2016). Кроме того, в ряде мокшанских и эрзянских говоров, а также в некоторых гидронимах Д.В. Цыганкиным и И.К. Инжеватовым фиксируется основа *ёв/яв*, в которой учёные видят архаичный мордовский гидронимический термин (Цыганкин, 2005; Инжеватов, 1987), а чередование *эль/ёв* находит подтверждение в коми диалектах (Туркин, 1986). При этом отдельно следует подчеркнуть, что в торновском говоре мокша-мордовского языка, как и в других мокшанских говорах полуострова, термины *ёв/эль* отсутствуют. С формантом *гуши* рассматриваемого топонима также предпринимались попытки сопоставить мордовский географический термин *кужа/кужо* – ‘поляна’, однако собственно мокша-мордовская форма топонима, а также семантика термина *кужо* в торновском говоре мокша-мордовского языка делают такое сопоставление крайне маловероятным.

Балтская этимология лимнонима и понятие псевдосубстрата в топонимике

В свете вышеизложенного, полагаем перспективным обратиться ради прояснения этимологии рассматриваемого топонима к географической лексике других языков, отражение которой в топонимической номенклатуре региона не противоречит принципу историзма в топо-

нимике. По нашему мнению, наиболее близкие аналогии обнаруживаются в балтских языках. Так, в современных балтских языках известно: *alka* – ‘маленькое болото’, ‘пруд’; *elkas* – ‘небольшая гора, поросшая деревьями’ (Невская, 1977, стр. 199); М. Гимбутас также приводит архаичные значения терминов, связанных с религиозно-культурными представлениями древних балтов: *alkas/elks* – ‘священная роща’, ‘капище’ (Гимбутас, 2004, стр. 187). Такой уникальный природный объект, как карстовое озеро Елгуши, вполне мог служить в прошлом местом проведения языческих обрядов. Сказанное отнюдь не означает, что мы постулируем присутствие на Самарской Луке балтоязычного населения в какой-то исторический период – хотя полностью исключать такую вероятность также нельзя (Васильев *etc.*, 1986.; Богачёв, 2008). Представляется, что большую вероятность имеет предположение о проникновении в лексический состав мокша-мордовских говоров Самарской Луки балтизмов в тот исторический период, когда предки самаролукских мокшан проживали вне территории Самарского Поволжья. Такое предположение основывается на многочисленных выявленных балтизмах в мокша-мордовских и эрзя-мордовских диалектах (Цыганкин, 2005; Гордеев, 1969), что подтверждается общим этноязыковым контекстом балто-мордовских связей (Седов, 1990, стр. 92). Топоним, сформированный с помощью иноязычного географического термина, было бы неправильно называть субстратным – скорее, речь в таком случае должна идти о псевдосубстрате.

Можно сформулировать определение псевдосубстрата, наиболее релевантное в свете обсуждаемого вопроса, следующим образом. Псевдосубстрат в топонимической номенклатуре формируется в тех случаях, когда субстратный географический термин усваивается в той или иной этноязыковой среде, а затем продолжает использоваться её представителями в топонимике, причём зачастую на территориях, никогда не входивших в зону расселения носителей того языка, из которого когда-то данный географический термин был ими позаимствован. При этом сохранение семантики термина не является необходимым условием формирования псевдосубстрата, но, если оно выполняется, отличить такой псевдосубстрат от подлинного субстрата становится сложнее, поскольку принцип семантического соответствия в такой ситуации будет выполняться и в случае субстрата, и в случае псевдосубстрата.

Этнографическая параллель

О существенной роли в языческой ритуальной практике мордвы, при молениях о дожде, труднодоступных водных источников – в осо-

бенности, расположенных на возвышенностях, – свидетельствует и такая этнографическая параллель. В Похвистневском районе Самарской области эрзя-мордовские сёла территориально группируются, в основном, в окрестностях горы Шихан. На вершине данной горы бьют родники, вследствие чего там находится несколько небольших озёр. Вплоть до второй половины XX века к этим озёрам в засушливые годы, молиться о дожде, ходили местные старожилы (в основном, женщины). О силе подобных молений до сих пор сохраняются предания в одном из эрзянских сёл – Большой Ёге, расположенном у подножия горы Шихан (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Большая Ёга, 2015). В селе Торновое традиция молений о дожде существует до настоящего времени. Проводится оно группой пожилых женщин из мордвы, которые уходят молиться «куда-то в горы»; точное место проведения обрядов известно только молящимся (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018).

Обкан

В окрестностях Торнового расположено несколько старичных озёр, протянувшихся цепочкой у подножия Жигулёвских гор. Самым известным из них является озеро Обкан, которое в последние годы к середине лета практически полностью пересыхает. Так, на момент посещения озера автором в июле 2014 года на его существование указывала лишь полоса камышей.

Носители торновского говора мокша-мордовского языка лимноним никак не этимологизируют, а в бытуящем в их среде топонимическом предании присутствует намёк на происхождение названия *Обкан* от русского «об камни» (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018).

Три объекта с названием Обкан в Самарском Поволжье

На территории Самарского Поволжья фиксируется три объекта с названием *Обкан*: рассматриваемое в статье озеро; пещера в топонимическом пространстве села Шелехметь, у Змеиного затона; пруд в пгт Новосемейкино Красноярского района Самарской области. Лимноним в Новосемейкино, с большой степенью вероятности, является переносом названия с Самарской Луки, поскольку достоверно известно, что среди основателей Старосемейкино и, впоследствии, Новосемейкино значительную часть составляли самаролукские мордва и чуваша (Симаков, 2008, стр. 232). В настоящее время местное население название *Обкан* также никак не этимологизирует (ПМА, Самарская область, Красноярский район, Старосемейкино, 2019).

Пещера под названием *Обкан* фигурирует в записках самарского краеведа П.Д. Лупаева: «Весной близ села Шелехмети обнаружил Обкан – пещеру, заваленную глыбами доломита, в которую текла полая вода разлившейся Волги. Редкостное зрелище!» (Лупаев, 1998).

Согласно нашим полевым исследованиям, в Шелехмети в настоящее время данную пещеру *Обкан* не называют; при упоминании этого названия указывают только на озеро в окрестностях Торнового. Лексема *обкан* в шелехметском говоре мокша-мордовского языка, как и в торновском, отсутствует (ПМА, Самарская область, Волжский район, Шелехметь, 2018).

В русском селе Новинки, расположенном между Торновым и Шелехметью, также бытуют рассказы о впечатляющем зрелище поглощения пещерой у Змеиного затона полой водой во время волжского разлива (ПМА, Самарская область, Волжский район, Новинки, 2018). При этом саму пещеру здесь считают безымянной, название *Обкан* неизвестно вовсе.

Таким образом, можно полагать, что названия пещеры у Шелехмети и пруда в Новосемейкино восходят к названию озера у Торнового, которое, возможно, на каком-то этапе бытования, стало в среде самаролукской мордвы нарицательным.

Этимология лимнонима по версии В.Ф. Барашкова

В.Ф. Барашковым с соавторами была предложена наиболее перспективная, на наш взгляд, этимологическая версия лимнонима, которую мы и принимаем, с некоторыми уточнениями. Так, авторы «Самарской топонимики», отмечая, что в «средневожских языках» материалы для выявления этимологии лимнонима отсутствуют, выдвигают гипотезу о происхождении названия *Обкан* (в их работе принято написание *Опкан*) из иранских языков, возводя его к лексемам *об/аб* – ‘вода’ и *кан* – ‘рыть’, ‘копать’, ‘канал’ (Барашков etc., 1996).

Дополнительные аргументы в пользу версии

В.Ф. Барашкова

В качестве подтверждения этимологии В.Ф. Барашкова о происхождении лимнонима *Обкан* из иранских языков приведём одну интересную топонимическую параллель. В Центральной Азии имеется ойконим *Апкан* (в киргизской передаче), являющийся киргизской адаптацией таджикского топонима *Обканд*. На русский язык данный топоним можно перевести как ‘вытянутое водное русло (ров)’. Как мы полагаем, именно форма озера могла послужить основным мотивом номинации для древнего иранского населения Самарской Луки, поскольку имеются веские основания утверждать, что несколько тыся-

челетий назад нынешняя цепочка озёр у подножия Жигулей в районе Торнового представляла собой единый, узкий и протяжённый водоём, являвшийся одной из стариц Волги и имевший форму рва.

Финно-угорские и тюркские параллели

Как мы уже отмечали, в мокша-мордовских говорах Самарской Луки лексема *обкан* отсутствует. Однако она фиксируется в ряде мордовских диалектов: эрзянское *опкан* – ‘хапуга’; мокшанское *опкан* – ‘обжора’. В.И. Вершинин предполагает заимствование в мордовские языки из татарского, где *убу* – ‘пожирать’ (Вершинин, 2005, стр. 315). Нельзя, впрочем, исключать заимствование в мордовские языки из чувашского (возможно более раннее заимствование из болгарского) языка, где *вупкӑн* – ‘прожорливое существо’, ‘злой дух’. Н.В. Никольский также даёт для данной лексемы значения ‘пучина’, ‘пропасть’, ‘водоворот’ (Никольский, 1919). В других источниках, однако, подобные значения для данной лексемы в чувашском языке отсутствуют (Егоров, 1964; Федотов, 1996), что позволяет предположить, что материалы Н.В. Никольского происходят из чувашских говоров, контактных с кыпчакоязычным населением.

Так, в других тюркских языках имеются более близкие семантически для описания характеристик карстового озера *Обкан* лексемы: татарское *упкын* – ‘пучина’, ‘бездна’, ‘пропасть’, ‘водоворот’; алтайское *оп* – ‘втягивать’, ‘всасывать’, ‘схватывать ртом’, ‘проглатывать’.

Ф.И. Гордеев указывает также вышедшее из употребления марийское *вопкон*, зафиксированное в письменных памятниках XVIII века со значением ‘омут’, полагая его заимствованием из чувашского или болгарского языка (Гордеев, 1983, стр. 141).

Отметим, что рассмотренные здесь тюркские и заимствованные из них финно-угорские термины семантически подходят к характеристикам пещеры у Шелехмети, однако они не сопоставимы с характеристиками озера *Обкан* у подножия Жигулей.

Гидронимические параллели с территории Верхнего Прикамья

В рамках темы бытования топонимического форманта *об* на территориях расселения носителей финно-угорских языков представляют интерес данные А.С. Кривощёковой-Гантман о группе гидронимов с формантом *об* в Прикамье – *Об*, *Обва*, *Нийоб*. Не делая окончательных выводов, исследователь приводит для верхнекамских названий ряд показательных топонимических параллелей с территориями расселения носителей иранских языков, среди которых топоним *Ниоб* на территории Таджикистана (Кривощёкова-Гантман, 1983, стр. 139).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уникальность торновского топонимического пространства

Представляет интерес тот факт, что субстратный топонимический слой среди мокша-мордовских населённых пунктов Самарской Луки выявляется только в топонимическом пространстве села Торновое. Этот факт, в числе прочих, косвенно свидетельствует о том, что мы в данном случае действительно имеем дело именно с субстратом, а не с деэтимологизацией топонимической номенклатуры в процессе эволюции того или иного мокша-мордовского говора.

Обоснование субстратного происхождения лимнонимов

Наша аргументация по обоснованию рассматриваемой в статье топонимической номенклатуры как субстратной сводится к следующему: в мокша-мордовских говорах Самарской Луки не фиксируется лексем, на основе которых можно было бы этимологизировать данные названия; указанные топонимы не этимологизируются местными жителями ни из мокша-мордовского, ни из русского языка, либо для их истолкования предлагаются заведомо неверные «народные этимологии»; на территориях расселения носителей других мордовских говоров параллели находят только названия с основой *каль*. Более того, названий, идентичных или подобных топонимам *Обкан* и *Елгуши* (*Ёлгужи*), в мордовских топонимических пространствах не фиксируется, ни в Самарской области, ни в Республике Мордовия (Цыганкин, 2005).

Выводы

Каль

Вполне вероятно, что лимноним *Каль* не является субстратным и восходит к одному из терминов, указанных выше для ряда мордовских диалектов, которые ранее бытовали и в торновском говоре мокша-мордовского языка, но затем вышли из употребления. На это, прежде всего, указывает семантическое соответствие значений большинства данных терминов для описаний характеристик рассматриваемого объекта, а также неединичная фиксация топонимических параллелей с основой *каль* на территории Республики Мордовия (Цыганкин, 2005). Однако сохраняется и вероятность субстратного происхождения лимнонима, учитывая широкое распространение географических терминов с данной основой в славянских языках. Носители славянских языков на Самарской Луке исторически фиксируются с первой половины первого тысячелетия: в именьковскую эпоху (Матвеева, 2004), а также во времена Золотой Орды (Алихова, 1950), позд-

нее – в период существования Казанского ханства, далее, вероятно, с небольшими перерывами, до настоящего времени. Также надо отметить, что топонимическое пространство села Торновое граничит с топонимическим пространством русского села Рождествено, однако фиксируется, скорее, проникновение мордовских топонимов в окрестности Рождествено, чем русских в окрестности Торнового (Беленов, 2019).

Елгуши

Для лимнонима Елгуши, по нашему мнению, вероятнее всего предполагать псевдосубстратное происхождение, поскольку термины с подобной основой имеют достаточно широкое распространение в Центральной России, а также у различных народов Поволжья, не имея при этом в поволжских языках убедительного этимологического обоснования. Кроме того, полагаем, что религиозно-культурная мотивация номинации (которую подобные термины имели в прошлом в балтских языках) в данном случае не исключена: во-первых, вследствие уникальности самого объекта Елгуши для данной территории; во-вторых, в свете языческих традиций мордвы устраивать моления о дожде у лесных, труднодоступных озёр. Таким образом, одним из возможных этимологических решений для топонима *Елгуши/Ёлгужи* является следующее: в основе названия лежит балтский термин, заимствованный предками самаролукской мордвы на прежних территориях расселения, который бытовал какое-то время и у самаролукской мордвы, а позже был утрачен в мокша-мордовских говорах Самарской Луки.

Обкан

В данном случае мы, как указывали выше, солидарны с этимологической концепцией В.Ф. Барашкова о происхождении данного названия из иранских языков. Данное этимологическое решение не противоречит принципу историзма, удовлетворяет принципу семантического соответствия топонимических исследований, а также находит многочисленные топонимические параллели на территориях расселения носителей иранских языков. Этноисторические условия возникновения данного названия на Самарской Луке, уточнение его этноязыковой идентификации и поиск других вероятных иранизмов на данной территории являются задачами дальнейших исследований. При этом, как представляется, нельзя исключать и альтернативных гипотез происхождения лимнонима, среди которых наиболее перспективной видится псевдосубстратная версия, согласно которой название

Обкан происходит от заимствованного из тюркских языков термина, некогда бытовавшего в торновском говоре мокша-мордовского языка.

Список литературы

- Pallas, P. S. (1771). *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Teil* [Travel through different provinces of the Russian Empire. First part]. St. Peterburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften. (In German)
- Suomalainen paikannimikirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu* [Finnish place list. Publications of the Finnish Language Research Center] (2007). Helsinki: Karttakeskus. (In Finnish)
- Witsen, N. (1692). *Noord en oost Tartarie* [North and East Tartarie]. Amsterdam: N. Witsen. (In Dutch)
- Агеева, Р. А. (1974). *Гидронимия Псковских и Новгородских (Шелонская и Деревская пятины) земель в свете истории заселения края*. Москва: АН СССР.
- Алихова, А. Е. (1950). Отчёт о раскопках и разведках, проведённых в Куйбышевской области в Шигонском районе по р. Усе летом. Р – 1, №477. *Электронный архив памятников археологии Самарской области*. Получено из <http://imperium.archeologia.ru/Arxiv/reports-old/477alixova.htm>
- Аникин, А. Е. & Хелимский, Е. А. (2007). *Самодийско-тунгусо-маньчжурские лексические связи*. Москва: Языки славянской культуры.
- Аникин, А. Е. (2001). От чуди до мери. *Вопросы языкознания*, (6), 3-12.
- Барашков, В. Ф., Дубман, Э. Л. & Смирнов, Ю. Н. (1996). *Самарская топонимика*. Самара: СамГУ.
- Беленов, Н. В. (2016). Этноязыковая принадлежность носителей белогорской археологической культуры по данным топонимики. *Проблемы истории, филологии, культуры*, (4), 110-115.
- Беленов, Н. В. (2018). *Мокша-мордовская топонимия Самарской Луки*. Самара: Порто-принт.
- Беленов, Н. В. (2019). Историческая мокша-мордовская топонимия на Самарской Луке. *Известия Южного Федерального Университета*, 3, 130-137. Doi:10.23683/1995-0640-2019-3-130-137.
- Богачёв, А. В. (2008). *Самарское краеведение: археологические эпохи*. Самара: СМиУ.
- Васильев, И. Б. & Матвеева, Г. И. (1986). *У истоков истории Самарского Поволжья*. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство.
- Ведерникова, Т. И. (1996). *Этнография Самарской Луки*. Самара: Полдень. XXII в..
- Вершинин, В. И. (2005). *Этимологический словарь мордовских языков*. Йошкар-Ола: Стринг.

- Гераклитов, А. А. (1932). Роль Саратова и Самары XVII в. в жизни мордвы. *Журнал Нижне-Волжского института краеведения им. М. Горького*, (1), 2-12.
- Гимбутас, М. (2004). *Балты. Люди янтарного моря*. Москва: Центрполиграф.
- Гордеев, Ф. И. (1969). О происхождении гидронима Волга. В *Ономастика Поволжья* (стр. 122-129). Ульяновск.
- Гордеев, Ф. И. (1983). *Этимологический словарь марийского языка*. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство.
- Древние культуры и этносы Самарского Поволжья*. (2007). Самара: Самарский Дом печати.
- Егоров, В. Г. (1964). *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары: Чувашское книжное издательство.
- Емельянов, М. А. (1935). *Жигули и «кругосветка»*. Куйбышев: Куйбышевское издательство.
- Емельянов, М. А. (1955). *Самарская Лука и Жигули*. Куйбышев: Куйбышевское книжное издательство.
- Инжеватов, И. К. (1987). *Топонимический словарь Мордовской АССР: Названия населённых пунктов*. Саранск: Мордовское книжное издательство.
- Кривошёкова-Гантман, А. С. (1983). *Географические названия Верхнего Прикамья*. Пермь: Книжное издательство.
- Кротов, П. И. (1893). Озеро Елгуши на Самарской луке. В *Известия Императорского Русского географического общества* (стр. 165-168). Санкт-Петербург: Типография А.С. Суворина.
- Луцаев, П. Д. (Октябрь 2019). Моя биография. Рукопись из фонда Сергиевского историко-краеведческого музея. *Сергиевский историко-краеведческий музей*. Получено из <http://www.muzei163.ru/o-muzee/novosti-muzeya/kraeved-lucaev-petr-dmitrievich>
- Малкова, Н. М. (2019). *Материалы по истории и культуре мордвы Самарского края*. Самара: Самарское археологическое общество.
- Матвеев, А. К. (1991). В роли создателя топонимов. *Вопросы ономастики*, (19), 13-27.
- Матвеева, Г. И. (2004). *Среднее Поволжье в IV – VII вв.: именьковская культура*. Самара: СамГУ.
- Невская, Л. Г. (1977). *Балтийская географическая терминология (к семантической типологии)*. Москва: Наука.
- Никольский, Н. В. (1919). *Чавайшла – вырйсла словарь*. Хусан. (In Chuvash)
- Преображенский, П. А. (1926). *Поездка по Волге: Самара – Царевщина – Ширяево*. Самара: Высшие курсы краеведения при СамГУ.
- Ракин, А. Н. (2019). Гидроландшафтная лексика удмуртского языка. *Финно-угорский мир*, 3, 268-274. Doi:10.15507/2076-2577.011.2019.03.268-276

- Рощевский, Ю. К. (2002). *Народная проза Самарской Луки*. Тольятти: Литературное агентство В. Смирнова.
- Седов, В. В. (1990). Балты и финно-угры в древности (по археологическим материалам). В *Uralo – Indogermanica* (стр. 89-94). Москва.
- Симаков, В. Е. (2008). *Энциклопедия чувашских сёл Самарской области (историко-этнографические материалы)*. Самара: НТЦ.
- Смирнов, Ю. Н., Дубман, Э. Л., Барашков, В. Ф. & Артамонова, Л. М. (1995). *Самарская Лука в XVI – начале XX вв.* Самара: СамГУ.
- Туркин А.И. (1986). *Топонимический словарь Коми АССР*. Сыктывкар: Коми книжное издательство.
- Федотов, М. Р. (1996). *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары: ЧГИГН.
- Цыганкин, Д. В. (2005). *Память, запечатлённая в слове: Словарь географических названий Республики Мордовия*. Саранск: Красный Октябрь.
- Чуваши Самарской Луки*. (2003). Чебоксары: ЧГИГН.
- Этимологический словарь славянских языков (Том 9)*. (1983). Москва: Наука.

References

- Ageeva, R. A. (1974). *Hydronymy of Pskov and Novgorod (Shelonskaya and Der-evskaya pyatina) lands in the light of the history of settlement of the region*. Moscow: USSR Academy of Sciences. (In Russian)
- Alikhova, A. E. (1950). Report on excavations and explorations carried out in the Kuybyshev region in the Shigonsky district along the Usa river in the summer. R - 1, No. 477. *Electronic archive of archeological monuments of the Samara region*. Retrieved from <http://imperium.archeologia.ru/Arxiv/reports-old/477alixova.htm> (In Russian)
- Ancient cultures and ethnic groups of the Samara Volga region*. (2007). Samara: Samara Printing House. (In Russian)
- Anikin, A. E. & Khelimsky, E. A. (2007). *Samoyedian-Tunguso-Manchu lexical relations*. Moscow: Languages of Slavic Culture. (In Russian)
- Anikin, A. E. (2001). From Chudi to Mary. *Linguistic issues*, (6), 3-12. (In Russian)
- Barashkov, V.F., Dubman, E.L. & Smirnov, Yu.N. (1996). *Samara place names*. Samara: SamSU. (In Russian)
- Belenov, N.V. (2016). Ethno-linguistic affiliation of the carriers of the Belogorsk archaeological culture according to toponymy data. *Problems of history, philology, culture*, (4), 110-115. (In Russian)
- Belenov, N.V. (2018). *Moksha-Mordovian toponymy of Samara Luka*. Samara: Porto Print. (In Russian)

- Belenov, N.V. (2019). Historical Moksha-Mordovian place names on Samarskaya Luka. *Bulletin of the Southern Federal University*, 3, 130-137. Doi:10.23683/1995-0640-2019-3-130-137 (In Russian)
- Bogachev, A. V. (2008). *Samara Local Lore: Archaeological Epochs*. Samara: SMI. (In Russian)
- Chuvashes of Samara Luka*. (2003). Cheboksary: ChGIGN. (In Russian)
- Egorov, V.G. (1964). *Etymological dictionary of the Chuvash language*. Cheboksary: Chuvash book publishing house. (In Russian)
- Emelyanov, M.A. (1935). *Zhiguli and "Around the World"*. Kuibyshev: Kuibyshev Publishing House. (In Russian)
- Emelyanov, M.A. (1955). *Samarskaya Luka and Zhiguli*. Kuibyshev: Kuibyshev book publishing house. (In Russian)
- Etymological Dictionary of Slavic Languages (Volume 9)*. (1983). Moscow: Science. (In Russian)
- Fedotov, M.R. (1996). *Etymological dictionary of the Chuvash language*. Cheboksary: ChGIGN. (In Russian)
- Gimbutas, M. (2004). *Balts. People of the amber sea*. Moscow: Tsentrpoligraf. (In Russian)
- Gordeev, F.I. (1969). About the origin of the hydronym Volga. In *Onomastics of the Volga region* (pp. 122-129). Ulyanovsk. (In Russian)
- Gordeev, F.I. (1983). *Etymological Dictionary of the Mari Language*. Yoshkar-Ola: Mari book publishing house. (In Russian)
- Heraclitov, A. A. (1932). The role of Saratov and Samara in the 17th century in the life of Mordovians. *Journal of the Nizhne-Volzhskiy Institute of Local Lore M. Gorky*, (1), 2-12. (In Russian)
- Inzhevatov, I.K. (1987). *Toponymic dictionary of the Mordovian ASSR: Names of settlements*. Saransk: Mordovian book publishing house. (In Russian)
- Krivoshchekova-Gantman, A.S. (1983). *Geographical names of the Upper Kama region*. Perm: Book publishing house. (In Russian)
- Krotov, P.I. (1893). Lake Yelgushi on the Samarskaya Luka. In *Bulletin of the Imperial Russian Geographical Society* (pp. 165-168). St. Petersburg: A.S. Suvorin. (In Russian)
- Lupaev, P. D. (October 2019). My biography. Manuscript from the collection of the Sergievsky Museum of History and Local Lore. *Sergievsky Museum of History and Local Lore*. Retrieved from <http://www.muzei163.ru/o-muzee/novosti-muzeya/kraeved-lupaev-petr-dmitrievich> (In Russian)
- Malkova, N. M. (2019). *Materials on the history and culture of the Mordovians of the Samara region*. Samara: Samara Archaeological Society. (In Russian)
- Matveev, A.K. (1991). As the creator of place names. *Onomastics issues*, (19), 13-27. (In Russian)

- Matveeva, G.I. (2004). *Middle Volga region in the IV-VII centuries: Imenkovskaya culture*. Samara: SamSU. (In Russian)
- Nevskaya, L.G. (1977). *Baltic geographic terminology (towards a semantic typology)*. Moscow: Science. (In Russian)
- Nikolsky, N.V. (1919). *Chaväsla - vyräsla dictionary*. Husan. (In Chuvash)
- Pallas, P. S. (1771). *Reise durch verschiedene Provinzen des Russischen Reichs. Erster Teil* [Travel through different provinces of the Russian Empire. First part]. St. Peterburg: Kayserliche Academie der Wissenschaften. (In German)
- Preobrazhensky, P.A. (1926). *A trip along the Volga: Samara - Tsarevshchina - Shiryaevo*. Samara: Higher courses of local history at SamSU. (In Russian)
- Rakin, A. N. (2019). Гидроландшафтная лексика удмуртского языка. *Finno-Ugric world*, 3, 268-274. Doi:10.15507/2076-2577.011.2019.03.268-276. (In Russian)
- Roshchevsky, Yu.K. (2002). *Folk prose of Samara Luka*. Togliatti: V. Smirnov's Literary Agency. (In Russian)
- Sedov, V.V. (1990). Balts and Finno-Ugric peoples in antiquity (based on archaeological materials). In *Uralo – Indogermanica* (pp. 89-94). Moscow. (In Russian)
- Simakov, V.E. (2008). *Encyclopedia of Chuvash villages of the Samara region (historical and ethnographic materials)*. Samara: NTC. (In Russian)
- Smirnov, Yu.N., Dubman, E.L., Barashkov, V.F. & Artamonova, L.M. (1995). *Samarskaya Luka in the 16th - early 20th centuries*. Samara: SamSU. (In Russian)
- Suomalainen paikannimikirja. Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen julkaisu* [Finnish place list. Publications of the Finnish Language Research Center] (2007). Helsinki: Karttakeskus. (In Finnish)
- Tsygankin, D.V. (2005). *Memory Imprinted in the Word: Dictionary of Geographical Names of the Republic of Mordovia*. Saransk: Red October. (In Russian)
- Turkin A.I. (1986). *Toponymic Dictionary of the Komi ASSR*. Syktyvkar: Komi book publishing house. (In Russian)
- Vasiliev, I. B. & Matveeva, G. I. (1986). *At the origins of the history of the Samara Volga region*. Kuibyshev: Kuibyshev book publishing house. (In Russian)
- Vedernikova, T.I. (1996). *Ethnography of Samarskaya Luka*. Samara: Noon. XXII century. (In Russian)
- Vershinin, V.I. (2005). *Etymological dictionary of Mordovian languages*. Yoshkar-Ola: String. (In Russian)
- Witsen, N. (1692). *Noord en oost Tartarie* [North and East Tartarie]. Amsterdam: N. Witsen. (In Dutch)